

— ... — Значит, ты меня не любишь? А как же все те слова о любви вчера вечером, когда мы едва осознавали себя?

— Цзи Кай, не пойми неправильно. Ты мне нравишься. Правда, очень-очень нравишься!

— ...

— Но мне кажется... я ещё недостаточно хорошо тебя знаю.

Ли Вэйдун опустил глаза, не смея взглянуть на него напрямую, но все равно не удержался и бросил украдкой быстрый взгляд. Сдавленные чувства рвались наружу, но словно никак не находили нужных слов.

Он так сильно его любил.

Но чем сильнее любил, тем страшнее становилось. Чем сильнее влюблялся, тем четче понимал, что практически ничего о нем не знает. Ли Вэйдун злился на себя, испытывал разочарование и совершенно не представлял, что делать.

Он знал лишь одно: Медвежонок невероятный.

Открытый, великодушный, решительный и энергичный. С прекрасной фигурой, солнечной улыбкой и невероятно нежный.

Но Ли Вэйдун не понимал, как тот мог быть настолько замечательным, и уж тем более не ведал, почему такой прекрасный человек раньше спутался с Чжу Лином и к тому же, похоже, действительно искренне его любил.

И чем хорош он сам, Ли Вэйдун? Лучше ли он Чжу Лина хоть в чем-то?

Он никогда не спрашивал, но безумно хотел знать.

...

Цзи Каю нечего было сказать.

Упрямство Ли Вэйду он вроде бы немного понимал, а вроде и совершенно не постигал.

...Но все-таки старался понять.

В конце концов, в этом мире всегда хватало как тех, кто сначала переспит, а потом полюбит, так и тех, кто способен на близость только после зарождения чувств. Были даже такие, как Ци Ян или Цзо Янь, признающие исключительно секс без всякой любви. Они спокойно отмахивались фразочками вроде «серьезные отношения — это лишние траты» или «у меня вместо сердца камень», порхали от одного партнера к другому и выходили сухими из воды.

Чувства, тело — здесь никогда не было единых и незыблемых правил.

Каждый поступал так, как подсказывало сердце.

Для Цзи Кая одного только чувства симпатии уже было вполне достаточно, чтобы захотеть через телесную близость прикоснуться к душе Ли Вэйду.

Ему казалось, что всё должно происходить само собой, естественным путем.

Симпатия, увлеченность, а затем естественная жажда всё более интимного контакта. Слияние душ и тел, за которым логично следуют совместная жизнь, взаимопонимание и глубокая любовь.

Однако то же самое в представлении Ли Вэйду выглядело чем-то куда более священным.

Настолько, что даже под действием гормонов и дофамина, даже когда ситуация дошла до предела и отступать было некуда, он всё равно терпел, дрожал всем телом, но упорно стопорил процесс.

Должно быть, для него подобная близость не ограничивалась простым порывом страсти и удовлетворением желания.

Она была столь же серьезным шагом, как и клятва верности на всю жизнь — а может, чем-то даже более значимым, чем любые клятвы.

...

— Ладно, выкладывай. Что именно ты хочешь узнать?

Ну ладно, хрен с ним, можно и потерпеть. Хотя для физического и душевного здоровья это явно вредно, но раз уж ты мне нравишься... Терпи, Цзи Кай, терпи!

Цзи Кай перекатился в сторону и свалился рядом с ним.

По крайней мере, сегодня выяснилось, что ты не фригидный, и это уже отличный сюрприз... Так что ладно, еще немного потерплю.

— Спрашивай, я всё тебе расскажу, — Цзи Кай немного подумал и добавил: — Ах да, чуть не забыл. Перед моим отъездом ко мне приходил твой отец.

Ли Вэйду резко сел на кровати, будто смертельно больной, внезапно восставший из мертвых.

В компании близких друзей Цзи Кая был один с виду ничем не примечательный торговец бараниной по имени Ин Цзянь, но жизнь у него, похоже, была весьма нетривиальной.

В кругах ходили слухи, что у него есть загадочная вторая половинка — писанный красавец из богатой семьи, да еще и имеющий влияние как в легальном бизнесе, так и в криминальном мире.

Друзья неоднократно допытывались у этого «мясника-любовника мафиозного босса», случалась ли с ним классическая клишированная сцена: «Вот тебе пять миллионов, немедленно оставь моего сына!».

— Я всегда так об этом мечтал!

— ...

— Честно, — говорил Ин Цзянь, поднимая шашлычок и глядя вдаль задумчивым взглядом. — Если бы какая-нибудь добрая душа дала мне пять миллионов, я бы тут же сгреб деньги и дёнул в глухую тайгу уединенно жить, ни секунды не раздумывая.

К сожалению, так понимающая и заботливая потенциальная свекровь ему так и не попала.

И дело не в том, что матушка его избранника была скупой. Просто у неё самой жизнь сложилась несладко. И говоря об этом эпизоде, нельзя не рассказать, как именно Ин Цзянь познакомился с тем самым красавцем, похожим на самого князя ада.

В свое время отец Ин Цзяня после выхода на пенсию отправился танцевать на площади и сошелся там с еще весьма привлекательной дамой средних лет.

Старик прожил в одиночестве больше десяти лет, растил сына в одиночку — дело не из легких, так что Ин Цзянь был вовсе не против, чтобы отец обрел вторую молодость.

Проблема заключалась в том, что он и помыслить не мог: родной сынок той дамы явится с целой оравой молодчиков в черном, зажмет его отца в угол и брякнет перед дрожащим стариком чемодан с наличкой.

«Вот тебе пять миллионов, немедленно оставь мою мать!»

Именно! Почетная честь стать жертвой этой клишированной мыльной драмы с брошенными в лицо деньгами выпала его отцу, а не ему самому!

Что касается дальнейшего побега влюбленных стариков на закате лет и печальной истории о том, как Ин Цзяня в качестве расплаты съели без остатка темные силы...

Об этом и вспоминать-то без слез нельзя.

Опросив крепкого мясника с кровати криминального авторитета, друзья обменялись мнениями и единодушно выразили зависть.

О такой захватывающей жизни можно только мечтать!

— Спасибо, тетушка!

— Хорошо, тетушка! Без проблем, тетушка!

— Тетушка, пять миллионов — это слишком много! Я сделаю скидку в двадцать процентов, сойдемся на четырех миллионах. Спасибо за покупку, приходите еще!

Глядя в зеркало на свое мужественное и властное красивое лицо, Цзи Кай думал, что ему подобный репертуар в этой жизни точно не пригодится.

Однако судьба удивительна и непредсказуема.

В тот день он надел спортивный костюм под черное пальто, запер дверь своего небольшого коттеджа и собирался отправиться в тренажерный зал. Но прямо у ворот, под голым кленом, его намертво заблокировала целая кавалькада черных люксовых автомобилей со свитой из охранников в солнцезащитных очках.

Цзи Кай ни капли не испугался — напротив, внутри у него даже вспыхнул азарт.

«Надо же, сегодня я — тот самый искуситель, соблазнивший сынка богатых родителей. Жизнь прожита не зря!»

...

— Садись.

Отец Ли Вэйду, за исключением столь же высокого роста, внешне не имел с сыном почти ничего общего.

В отличие от холодного, утонченного и привлекательного в своей сдержанности сына, у старика были скульптурные, европейские черты лица и глубокие морщины меж бровей. В молодости он, наверняка, был редким красавцем.

К сожалению, теперь он постарел и выглядел чересчур сурово — точно старое, мрачное, обдуваемое всеми ветрами дерево.

Ли Вэйду тоже часто бывал серьезным и задумчивым.

Но его взгляд всегда оставался чистым и мягким. Совсем не как у человека перед ним: сердце старшего Ли за долгие годы жизненных бурь и интриг очерствело, а жесткость и тяжелый нрав уже невозможно было скрыть — они откровенно проступали на лице и за стеклами очков для чтения.

— Ты ведь впервые у нас в доме?

Это была роскошная, утопающая в цветах помещичья усадьба с родниками, расположенная на склоне горы. Одно только шоссе вверх заняло минут пятнадцать езды, а после въездных ворот машина еще долго виляла по аллеям.

Цзи Кай давно знал, что Ли Вэйду — из очень богатой семьи, поэтому всю дорогу сохранял полное спокойствие и потрясенным не выглядел. Но, войдя в дом, он ошарашенно уставился на стену высотой в три этажа за спиной отца Ли и на мгновение лишился дара речи.

На всей стене висел гигантский старый портрет женщины.

На нем была изображена утонченная девушка с узкими глазами и одинарным веком, танцующая балет.

Лицо выглядело до боли знакомым — Цзи Кай наконец понял, в кого уродился Ли Вэйду!

— Да, это мама Вэйду. Правда, прекрасная?

— Ее зовут Ло Жуй. Тот самый иероглиф «жуй» из стихотворения о богине реки Ло. Она была моей первой любовью и единственной женщиной, которую я любил всю жизнь.

Отец Ли с улыбкой качнул головой, в его глазах проскользнула ностальгия, и жесткие черты лица немного смягчились.

— Вот только, увы... я сам не умел расставлять приоритеты. В молодости дни напролет был занят бизнесом и совершенно невнимателен к ее чувствам. Эх, жалеть о прошлом поздно: ее больше нет, а Вэйду из-за этого затаил на меня обиду и до сих пор не может простить.

Служанка подала чай и печенье, а отец Ли продолжал монотонно делиться воспоминаниями.

Он говорил о том, с какими трудами создавал эту огромную империю, и вздыхал о том, как сын его не понимает и насколько сильно ранит ему сердце их многолетняя вражда.

— С тем парнем, Е Инь, Вэйду давно следовало порвать. А вот вы, профессор Цзи — совсем другое дело. Образованный, молодой, перспективный... Вы с нашим Вэйду замечательно подходите друг другу.

— ...

— Ха-ха, простите, дядя немного наведалься в ваше прошлое и изучил вашу биографию.

«Ну надо же, яблоко от яблони! — мысленно воскликнул Цзи Кай. — Действительно родные отец и сын!»

Ты «немного» изучил мою биографию, а твой сынок «немного» за мной проследил.

Да ладно. Сам же знал, что у них эта странная логика передается по наследству, но все равно влюбился. Кого тут винить?

— Вэйдун... этот ребенок характером весь в мать: такой же упрямый и несговорчивый. С самого детства с ним было немало хлопот.

— Здоровье у него слабое, сам о себе позаботиться совершенно не умеет... Так что в будущем, профессор Цзи, вся надежда только на вас. Вверяю вам моего единственного драгоценного сына, очень прошу вас присмотреть за ним!

...Серьезно.

<http://bllate.org/book/18382/1767801>